

десятка и их ареал, по-видимому, фиксирует территорию распространения определенной группы евразийских переселенцев, достигших Нового Света на относительно позднем этапе его освоения. Мотив «вождя», дающего герою задания, видимо, принадлежит к этой группе.

Трудно отрицать саму возможность независимого появления одинаковых элементов фольклора на удаленных друг от друга территориях. Однако каждый подобный случай требует независимого исследования. В нашем случае гипотеза переноса мотивов из Евразии в Америку выглядит более обоснованной. Если же мы действительно хотим выявить универсальные тенденции, независимые от конкретных исторических обстоятельств, необходимо прежде всего отвести параллели, обусловленные общим происхождением или контактами.

Литература

1. *Балановский О. П.* Генетические данные о заселении Высоких Широт. Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. М., 2014. Р. 408–422.
2. *Березкин Ю. Е.* Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. № 20. 2014. С. 187–217.
3. *Березкин Ю. Е.* Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб, 2013.
4. *Березкин Ю. Е.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 153–170.

5. *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табаров А. В.* Заселение человеком Нового Света. СПб., 2015.

6. *Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В.* 2012. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. Т. 2. С. 33–102.

7. *Berezkin Y.* Native American and Eurasian elements in post-Columbian Peruvian tales // Sources of Mythology. Ancient and Contemporary Myths. Berlin, 2014. P. 281–303.

Работа поддержана грантом РФФИ 14-06-00247.

Дмитрий Сергеевич Николаев,

канд. филол. наук, Российский гос. гуманитарный ун-т, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХИГС (Москва)

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ

Данная работа построена на анализе данных аналитического каталога «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам», созданного Ю. Е. Березкиным и опубликованном в виде веб-страницы (www.ruthenia.ru/folklore/berezkin). Эти данные уже анализировались статистически, однако в известных нам случаях в фокусе интереса были мифологические традиции, а не сами мотивы [5]. Мы же в этой короткой статье, не затрагивая содержательную сторону мифологических мотивов и ограничиваясь сведениями о том, в каких традициях те или иные мотивы встречаются, где локализованы эти традиции и к какой языковой семье они относятся, попытаемся ответить на три вопроса:

1. Какой удельный вес имеют в мировом мифологическом фольклоре редкие мотивы, дистрибуция которых ограничена небольшой территорией, и мотивы, распространенные более широко? Как устроено распространение популярных мотивов по регионам? Одинаково ли соотношение мотивов с разной распространенностью в разных регионах?

2. Как происходило разрастание мотивного запаса традиций по мере расселения их носителей по земному шару?

3. Насколько равномерно мотивы распределены по земному шару? Есть ли

территории с повышенной концентрацией мотивов и территории, представляющие собой мифологическую периферию?

Для поиска ответов на эти три вопроса необходимо применение разных методов, которые будут описаны в соответствующих разделах статьи, однако, перед тем как перейти к ним, необходимо поставить вопрос о том, в какой мере аналитический каталог Ю. Е. Березкина подходит как материал для такого рода исследования. Этот общий вопрос распадается на два более частных:

1) В какой мере использованное Ю. Е. Березкиным определение мотива подходит для нашего исследования?

2) Насколько репрезентативны собранные в каталоге данные?

В предисловии к статье, посвященной смежной проблеме (распространение мотивов как свидетельство о контактах в древних популяциях), мотив как базовая единица каталога определяется как «элементы или комбинации элементов в фольклорных текстах (образы, ситуации, последовательности ситуаций), которые реплицируются и встречаются в различных традициях» [4. С. 4]. Таким образом, мы можем быть уверены, что, если в базе какой-то мотив обозначен как встречающийся в текстах традиции А и традиции Б, он действительно представлен в этих традициях, а не приписан им в результате той или иной интерпретации данных. Возможно

в некоторых ситуациях мотивы имеют смысл определять более структурно, опираясь на типологически выделяемые понятия, не встречающиеся в текстах, такие как «трикстер» или «культурный герой», что дает больше возможностей для обобщения и позволяет отследить более сложные процессы, однако более строгий подход исключает произвольные сближения.

Относительно второго вопроса — репрезентативность каталога как выборки мировой мифологии — в статье [4] утверждается, что, несмотря на объективные ограничения, связанные с доступностью источников и разной изученностью различных регионов, репрезентативность данных была руководящим принципом при создании каталога и что в настоящий момент она была достигнута (каталог основывается на анализе более чем 50 тысяч текстов, пересказы которых являются его составной частью; в версии каталога, использованной для данной статьи, содержалось 2138 мотивов). В качестве не в полной мере представленных регионов выделены Южная Индия и Африка на границе Сахеля и Сахары. Мы увидим, что статистический анализ данных каталога в большой мере подтверждает и то, что разные регионы в нем представлены равномерно, и недостаточность данных по Южной Индии и Африке.

1. Соотношение локальных и популярных мифологических мотивов в мировом фольклоре

Ю. Е. Березкин отмечает, что «мотивы, известные всем или хаотически распространенные по всему миру, не представляют интереса для нашего исследования (в первую очередь ориентированного на реконструкцию предистории человечества. — Д. Н.) и не были

включены в каталог» [4. С. 4]. Таким образом, некоторые широко распространенные мотивы были заведомо исключены из рассмотрения, и мы даже не имеем возможности оценить их количество. Тем не менее, с нашей точки зрения, количество этих мотивов не должно быть слишком велико и не может радикальным образом повлиять на полученные нами результаты, поскольку данные (см. рис. 1) показывают, что очень широко распространенных мотивов в принципе не очень много.

Сама по себе «распространенность» мотива, впрочем, не является очевидным понятием: не существует общепринятого способа измерить распространенность мотивов, а очевидный способ — посчитать количество традиций, в которых тот иной мотив встречается, — не удовлетворителен, поскольку традиции не распределены по земному шару равномерно. Для формализованной оценки географической распространенности мотивов мы использовали дополнительные сведения, присутствующие в каталоге Ю. Е. Берёзкина. Каждая традиция в каталоге приписана к одному из 16 (макро) регионов: 1) Африка Южнее Сахары; 2) Мадагаскар; 3) Западная Европа, Северная Африка; 4) Северная и Восточная Европа; 5) Юго-Западная и Средняя Азия, арийская Индия, дравиды Южной Индии; 6) Тибет, неарийская Индия (включая дравидов средней Индии), Юго-Восточная Азия; 7) Океания; 8) Австралия; 9) Сибирь и Монголия; 10) Восточная Азия; 11) Берингия; 12) Север и Запад Северной Америки; 13) равнинная часть и юго-восток Северной Америки; 14) Мексика — Центральные Анды; 15) восток Южной Америки; 16) юг Южной Америки.

Зная перечень традиций, в которых встречается тот или иной мотив, мы можем посчитать количество регионов, в которых он встречается, и про ранжировать мотивы от «локальных» до всемирных — встречающихся во всех регионах (несмотря на декларацию создателя каталога, такие мотивы в нем представлены).

В результате применения этой процедуры нами был получен вектор со 2138 значениями, отражающими распространенность мотивов в каталоге. На основе этого вектора была построена гистограмма, приведенная на рис. 1.

Гистограмма показывает, что весьма небольшая часть мотивов (165) ограничена в своем распространении одним регионом. Самый частый вариант — 2 или 3 региона (332 и 337 мотивов со-

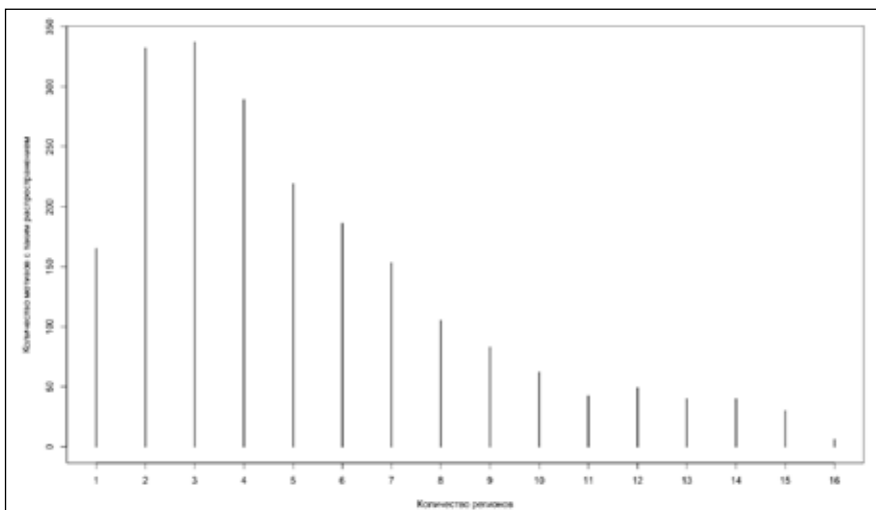

Рис. 1. Гистограмма географической распространенности мотивов в каталоге Ю. Е. Берёзкина

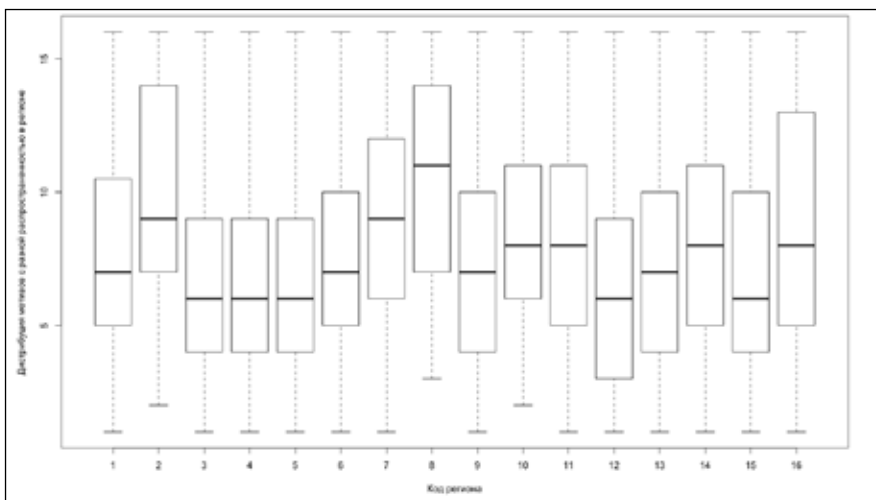

Рис. 2. Доли мотивов с разной географической распространенностью по всем регионам

ответственно), после чего наблюдается отрицательная зависимость между количеством регионов, в которых представлен мотив, и количеством таких мотивов. Мотивов, которые были бы представлены в 11, 12, 13 и 14 регионах, сравнимое количество (42, 49, 40 и 40 соответственно), мотивов, представленных в 15 регионах, несколько меньше (30), а вот по-настоящему глобальных мотивов всего 6. Эти данные трудно интерпретировать (например, неизвестно, сколько глобальных или окологлобальных мотивов не попали в каталог по воле составителя), однако даже с их помощью можно попытаться оценить мотивный состав мифологий разных регионов. Можно поставить следующий вопрос: в какой мере традиции разных регионов опираются на свои мотивы и мотивы, которые они делят с соседями, и в какой

мере они опираются на «общечеловеческое наследие»?

Чтобы ответить на этот вопрос, можно сделать гистограммы, аналогичные рис. 1, для всех регионов, однако они занимают слишком много места, и мы ограничились чуть менее информативными «ящиками с усами»¹ — см. рис. 2.

Номера регионов соответствуют номерам в списке, приведенном выше. Черная полоса посередине каждого графика — медиана, белые прямоугольники снизу и сверху от медианы — 2-й и 3-й квартили (четверти выборки). Другими словами, белый прямоугольник показывает, в каком диапазоне распределена половина показателей популярности мотивов в том или ином регионе. Черные вертикальные полосы снизу и сверху показывают соответственно 1-й и 4-й квартили. Очевидно, что некоторые регионы

Кол-во регионов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Кол-во мотивов	2	11	37	46	57	54	55	26	16	21	12	20	20	24	22	3

Таблица 1. Количество мифологических мотивов в русской традиции в зависимости от их представленности в разных регионах

Это задача очень сложна, поскольку каждый мотив представляет собой набор точек — сравнивать такие наборы сложно даже попарно, а в базе их больше двух тысяч. Возможно, однако, сделать существенное упрощение, которое позволит сделать первый шаг в нужном направлении, а именно представить распределение мотивов в виде их центроид — средних точек в пространственном распределении. Есть два способа поиска центроид: усреднение координат и поиск точки с минимальным расстоянием до всех точек выборки. Второй способ имеет свои преимущества (как именно интерпретировать точку с усредненными координатами, не вполне понятно), однако он сложен в реализации даже для точек на плоскости, а мотивы представляют собой точки на сфере. В связи с этим мы вычисляли центроиды методом усреднения пользуясь следующей процедурой:

1. Широта и долгота конвертировались в декартовы трехмерные координаты (точки на сфере).

2. Вычислялась усредненная точка для каждого мотива.

3. Эта точка проецировалась обратно на поверхность сферы. (Теоретически возможен вырожденный случай, когда усредненная точка оказывается ровно в центре земного шара и ее невозможно спроецировать, но он нам не встретился.)

Описанная выше процедура опирается на предположение о том, что Земля представляет собой шар, что не совсем верно, однако для наших целей получающимся искажением можно пренебречь. Центроиды всех мотивов из каталога Ю. Е. Берёзкина представлены на рис. 4.

Карта помогает понять, за счет чего русская традиция так хорошо репрезентирует мировую мифологию: на Восточной Европе, Европейской части России и Кавказе сходится пространственное распространение огромного количества мотивов — это самый плотный кластер на всей планете. Сравнимые кластеры наблюдаются в центральной части Северной Америки и на севере Южной Америки; центроиды мотивов, имеющих общеамериканское распространение попали на акватории Карибского бассейна. Показательна моноцентричность Евразии: Юго-Восточная, Южная и Восточная Азия не образуют отдельных кластеров и представляют собой своего рода периферию. В еще большей мере это относится к Австралии (см. выше о превалировании в ней мотивов с широким распространением, центроиды которых приходятся на другие регионы) и Южной Африке. В целом количество мотивов, центрированных на Африке, выглядит заниженным, что объясняется недостаточной представленностью данных из этого региона в каталоге.

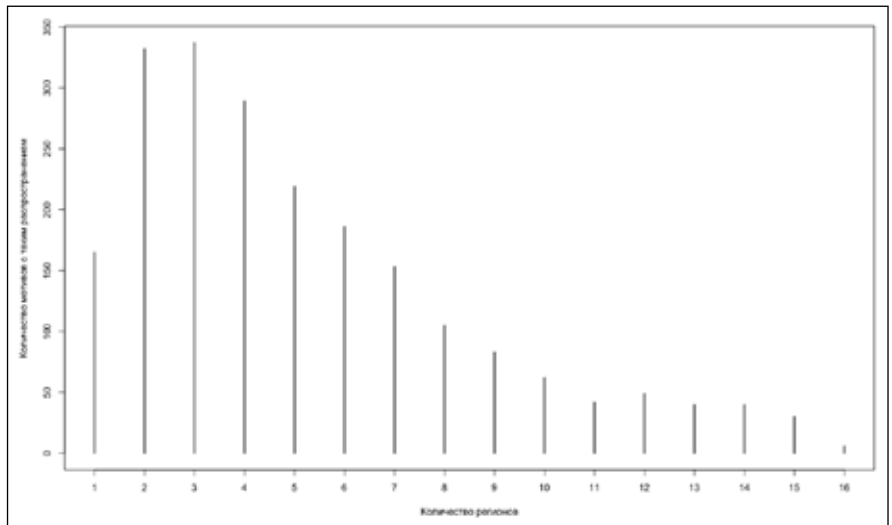

Рис. 4. Центроиды пространственных распределений мотивов в каталоге Ю. Е. Берёзкина

Итак, при помощи статистического анализа данных из каталога мифологических мотивов Ю. Е. Берёзкина мы пришли к следующим выводам:

1. Основная масса мифологических мотивов в каталоге встречается в нескольких регионах; к какому-то одному региону относятся менее 10% всех мотивов. Вполне возможно предположить, что какие-то редкие мотивы могли не попасть в каталог в силу незадекларированного решения составителя, однако в целом это заставляет предположить, что базис мировой мифологии составляют широко распространенные мотивы.

2. Соотношение распространенных и сравнительно редких мотивов в разных регионах практически одинаковое, за исключением особых регионов-изолятов (Мадагаскара и Австралии), которые в каталоге лишены своих мотивов, не имеют тесных связей с соседними регионами и традиции которых в большей мере опираются на общечеловеческое мифологическое наследие. Традиции остальных регионов при этом в первую очередь опираются на мотивы, которые объединяют их с 3–4 другими регионами, что заставляет предположить наличие вложенных друг в друга или даже пересекающихся макрорегионов, таких как Евразия, Евразия и Северная Африка, Евразия и Северная Америка и другие. Выявлению подобных связей посвящены многие работы Ю. Е. Берёзкина².

3. Регрессионный анализ связи территории, занимаемой группой мифологических традиций, объединенных языковым родством, с количеством мотивов, которые представлены в этих традициях, заставляет предположить, что есть общая для разных групп традиций и регионов скорость накопления мотивов, происходящего за счет создания новых мотивов и контактов с другими традициями. Австронезийская группа традиций, распространенная

на большой территории, демонстрирует аномально низкое количество мотивов — возможно, из-за особенностей миграций представителей этих традиций, зачастую приводивших не к новым контактам, а к изоляции. Традиции же, которые занимают небольшую территорию, резко различаются по своему мотивному богатству — причина возникновения подобных различий представляет собой важное направление для дальнейших исследований.

4. Анализ плотности центроидов распределения мотивов показывает, что некоторые регионы являются точками пересечения большого количества мотивных дистрибуций, в то время как другие находятся на мифологической периферии, что может отражать как их географическое положение или особенности истории (Австралия, Мадагаскар), так и, по-видимому, недостаточную представленность в каталоге (многие области Африки, Южная Индия).

Примечания

¹ Для построения такого графика данные ранжируются по возрастанию и делятся на четыре группы с равным количеством элементов в каждой группе, называемые квартилями (первый квартиль — четверть самых маленьких значений в выборке, четвертый квартиль — четверть самых больших значений и т. д.). Второй и третий квартили образуют «ящик», который показывает, в каком диапазоне находится половина данных выборки. «Усы» снизу и сверху показывают разброс данных в 1-м и 4-м квартилях соответственно. Черная полоса в «ящике» отмечает медиану — значение, которое больше или равно любому значению в 1-м и 2-м квартилях и меньше или равно любому значению в 3-м и 4-м квартилях.

² См. перечень на странице <https://eu.spb.ru/anthropology/faculty/3553-berezkin>.

Литература

1. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
2. Неклюдов С. Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре = Studies in Slavic folklore and folk culture. Вып. 2 / Под ред. А. Архипова и И. Полинской. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1997. P. 77–89.

3. Современный городской фольклор / Под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003.
4. Berezkin Yu. Spread of folklore motifs as a proxy for information exchange: contact zones // Trames. 2015. Vol. 19 (69/64). Iss. 1. P. 3–13.
5. Berezkin Yu. E., Borinskaya S. A., Kuznetsova A. V., Senko O. V. Study of folklore and mythological traditions using intellectual data mining // Pattern recogni-

tion and image analysis. 2009. Vol. 19 (4). P. 630–633.

Статья написана в рамках проекта «Истории, пересказываемые тысячелетиями: реконструкция динамики глобального распространения фабульных и образных элементов устных нарративов» (рук. Ю. Е. Березкин, МАЭ РАН) при поддержке гранта РНФ №14-18-03384

Елена Геннадьевна Толмачева,
канд. ист. наук, Центр египтологических исследований РАН (Москва)

ОБРАЗ «ПТИЦЫ-ДУШИ» В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Представление о «душе» как о птице можно назвать одной из самых распространенных мифологием¹, зафиксированных как в древних мифологических системах (Египет, Месопотамия, Греция, Китай), так и во многих современных этнографических исследованиях. Образ «души»-птицы в ряде случаев переключается с образом птицы — вестника смерти [8. С. 347]. Судя по всему, семантическую пару птица-«душа» можно отнести к области архетипических представлений, лежащих в основе большинства мифологических систем. Среди архетипов, присущих практически всем культурам древности и современности, Карл Густав Юнг выделял архетип «тени» или бессознательной дочеловеческой части психики [1. С. 110], на сознательном уровне выявившийся в концепциях, объясняющих потребность человека в вере.

В древнеегипетской религии и мифологии представления о «душах», или же, если быть точнее, неких субстанциях, проявлениях богов и (или) людей, содержащих часть их жизненной силы, были довольно сложны² и, к сожалению, не поддаются четкому определению в силу как фрагментарности дошедших до нас источников, так и проблем с истолкованием текстов, созданных носителями принципиально иной культуры. Тем не менее мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что, согласно представлениям древних египтян, человек мыслился обладающим несколькими связанными между собой духовными и материальными составляющими: «телом» — Сах, жизненной силой, или двойником, — Ка³, проявлением, духом — Ах, именем — Рен, «душой» — Ба, тенью — Шут.

В зооантропоморфном и зооморфном облике представлялись Ба и Ах. Отождествление души и птицы возник-

ло, вероятно, из сравнения последнего вздоха с отлетающей птицей, кроме того, в облике птицы душе человека легче было путешествовать между мирами, преодолевать все опасности и сложности загробного существования. Значение имели также и представления о птице как обитательнице верхнего мира, древнейшем солярном и астральном символе, божественной сущности, стоящей у начала космоса и универсума.

Итак, охарактеризуем в самых общих чертах представления древних египтян о «душах-птицах». В облике птицы мыслилась такая составляющая личности человека как, «дух» Ах (ил. 1). Слово Ах, по всей видимости, происходит от слова «светящийся» и передает, таким образом, концепцию «свет-душа» [21. Sp. 49]. Иероглифическое слово Ах — *j3hw*, *3hw* (Wb. I, 15), *3h* (Wb. I, 13) выписывалось с детерминативом хохлатого ибиса (*Ibis comata*). На ранних памятниках, относящихся к эпохе формирования древнеегипетского государства, понятие Ах нередко передавалось пиктографически через изображение ибиса [22. P. 2–5]. По мнению одного из пионеров английской египтологии Уильяма Флиндерса Питри, это должно было символизировать душу умершего, обожевленную и находящуюся в загробном мире [Ibid.].

Трудно определенно утверждать, по каким причинам именно хохлатый ибис был избран для выражения данного понятия. Немецкий египтолог, выдающийся специалист в области древнеегипетской религии Г. Кеес предположил, что причиной для отождествления покойного с ибисом было примечательное, сверкающее на солнце оперение последнего [18. S. 37]. Также принято связывать это отождествление с некими сверхъестественными возможностями, приписываемыми данной птице⁴. Как отмечает шведская иссле-

довательница Г. Энглунд, существует концепция, согласно которой такие понятия, как Ка, Ба, Ах, не являются определениями личности человека, а представляют собой некое «состояние опыта», уровни развития сознания. Так, Ка соответствует одному уровню, Ба — другому, более высокому, Ах — «уровню свечения» [11. P. 17]. Чаще всего Ах переводят как «светящийся дух» [22. P. 2; 10. P. 126]. Египтолог Э. Хорнунг отмечает, что значение Ах связано с глаголом «светить», и переводит его как «преображенный» [15. P. 184]. По мнению других ученых, основное значение понятия Ах можно перевести как «эффективность, действенность» (effectiveness) [13. P. 47].

Ах входит в семантический ряд «птица — солнце — свет — божественность»⁵ и т. п. Связь Ах с верхним миром, солнцем и светом подтверждается и на лексическом уровне: *3h* входит в состав следующих слов:

- 1) *3hw* — «солнечный свет» (Wb. I. 13), *3h. t* — «горизонт» (Wb. I. 17);
- 2) *3h* — «великолепный», «прекрасный», «предпочтительный» (Wb. I. 13) *s. t-3h. t* — «священное место» (в храме, гробнице) (Wb. I. 13);
- 3) *3h* — «дух», «душа», «проявление духа» (Wb. I. 15); *3hw* — «действия бога», «магические действия» (Wb. I. 15);
- 4) *3h. t* — «царский урей», «диадема» (Wb. I. 16);
- 5) *3hj* — «растение», *3h. t* — «земля фруктов (плодов)» (Wb. I. 18); *3h3h* — «зеленый» (Wb. I. 18).

Ил. 1. Иероглиф *3h*